

**АНТИЧНЫЙ ИМПОРТ VII В. ДО Р.Х. В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
(О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
И ИХ ВОЗМОЖНЫХ РАЗЪЯСНЕНИЯХ)**

И.В. Бруяко

Бруяко Игорь Викторович, д.и.н., независимый исследователь,
ibruyako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6359-2806>.

Аннотация: темой статьи стал сюжет о появлении и распространении античной керамики в Северном Причерноморье в VII в. до Р.Х. Для обсуждения выбраны памятники, где найдена керамика только VII в. Это поселения (городища) и погребения. Коллекция античной посуды, найденная суммарно на этих памятниках, состоит из парадной столовой, и тарной керамики (амфор). Анализ коллекции показывает, что датировки расписной керамики опережают датировки ранней амфорной тары на 20–30 лет. Наиболее ранние образцы первой датируются серединой-третьей четвертью VII в., а, наиболее ранние типы амфор – последней четвертью этого же столетия. При этом, найденные в Причерноморье амфоры принадлежали тем центрам, которые начали выпуск этой продукции в первой половине VII в., или даже еще в VIII в. до Р.Х. (Хиос, Самос, Лесбос, Клазомены).

Общеизвестно, что именно поставки продукции в амфорной таре считаются началом полноценных торговых отношений. Соответственно, можно предположить, что расписная парадная посуда имела иное качество, иное значение и символизировала какую-то другую, не торгово-экономическую форму отношений между греками и варварами. Полагаю, что античная столовая керамика на поселениях Правобережья, Побужья и Среднего Днестра, это дары, призванные установить «дипотношения», на основе которых греки в какой-то форме могли получить право на заселение прибрежных территорий. Потенциальный контроль над этими территориями осуществляли территориальные объединения лесостепи, административными центрами которых являлись конкретные городища, такие как Немировское, Трахтемировское, Бельское. Политическая консолидация в лесостепном Причерноморье – результат развития местных обществ, культура которых восходит еще к эпохе бронзы. Скифы-пришельцы, вероятно, осуществляли лишь частичный контроль над этими политиями, предпочитая особо не вмешиваться в хозяйственно-экономический уклад местного населения, ограничиваясь трибутарными отношениями.

Поставки импортной керамики, обнаруженной на памятниках варварской периферии, имеют, скорее всего, разную природу. Так, именно находки тарной керамики это и есть тот признак, по которому безошибочно определяется наличие регулярных договорных (торговых) отношений. А, поскольку амфоры начинают преобладать в составе импорта только в конце VII – нач. VI вв., (около 600 г.), то соответственно налаживание таких отношений происходит примерно через 20–30 лет после того, как были установлены первые контакты эллинов с местными правителями, вывод собственно колонии, ее обустройство, включая устойчивую, регулярную связь с метрополией.

Ключевые слова: архаический период, расписная керамика, амфоры, греческие колонии, лесостепное Причерноморье, городища.

Для цитирования: Бруяко И.В. Античный импорт VII в. до Р.Х. в Северном Причерноморье (о некоторых особенностях распространения и их возможных разьяснениях) // Античный мир и археология. 2025. Вып. 22. С. 117–138. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2025-22-117-138>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

ANTIQUE IMPORTS OF THE VII CENT. BC IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION (ABOUT SOME OF THE DISTRIBUTION FEATURES AND THEIR POSSIBLE EXPLANATIONS)

I.V. Bruyako

Bruyako Igor Viktorovich, Dr. in History, independent researcher, ibruyako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6359-2806>.

Abstract: the topic of the article is the story of the appearance and spread of ancient ceramics in the Northern Black Sea region in the 7th century BC. Monuments where ceramics were found only in the 7th century are chosen for discussion. These are settlements (hillforts) and burials. The collection of antique tableware found in total on these monuments consists of the main dining room and container ceramics (amphorae). Analysis of the collection shows that the dating of painted ceramics is 20–30 years ahead of the dating of early amphoric containers. The earliest examples of the first date from the middle to the third quarter of the 7th century, and the earliest types of amphorae date from the last quarter of the same century. At the same time, the amphorae found in the Black Sea region belonged to those centers that began producing these products in the first half of the seventh or even as early as the eighth centuries BC (Chios, Samos, Lesbos, Clazomenes).

It is well known that it is the supply of products in amphoric containers that is considered the beginning of a full-fledged trade relationship. Accordingly, it can be assumed that the painted ceremonial tableware had a different quality, a different meaning, and symbolized some other form of relations between the Greeks and barbarians that was not commercial and economic.

I believe that the antique pottery found in the settlements of the Right Bank, Pobuzhye and Middle Dniester rivers are gifts designed to establish “diplomatic relations” on the basis of which the Greeks could in some form obtain the right to settle coastal territories. Potential control over these territories was carried out by territorial associations of the forest-steppe, the administrative centers of which were specific settlements, such as Nemirovskoye, Trakhtemirovskoye, Belskoye. Political consolidation in the Black Sea forest-steppe region is the result of the development of local societies, whose culture dates back to the Bronze Age. The alien Scythians probably exercised only partial control over these politicians, preferring not to interfere particularly in the economic structure of the local population, limiting themselves to tributary relations.

The supplies of imported ceramics found on the monuments of the barbarian periphery are most likely of a different nature. So, it is the finds of pottery containers that are the sign by which the presence of regular contractual (trade) relations is unmistakably determined. And, since amphorae began to predominate in the composition of imports only at the end of the VII – beginning. In the sixth century, (about 600), accordingly, the establishment of such relations takes place about 20–30 years after the first contacts of the Hellenes with local rulers were established, the withdrawal of the colony proper, its arrangement, including stable, regular communication with the metropolis.

Keywords: archaic period, painted ceramics, amphorae, Greek colonies, forest-steppe Black Sea region, hillforts.

For citation: *Bruyako I.V.* Antique imports of the VII cent. BC in the Northern Black sea region (about some of the distribution features and their possible explanations) // *Ancient World and Archaeology*. 2025. No. 22. Pp. 117–138 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2025-22-117-138>.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Среди множества сюжетов, связанных с начальной стадией греческой колонизации Северного Причерноморья, одним из тех, которые пользуются повышенным вниманием у исследователей, является тема находок самой ранней греческой керамики на памятниках местного населения. Этот эпизод – очевидный пороговый смысл в истории региона, поскольку впервые в Северном Причерноморье появляется керамика, сделанная на гончарном круте, которая, к тому же, первой среди археологических источников, возвестила о начале новой, античной эпохи.

В последнее время интерес к этой теме заметно возрос, чему способствовал выход из печати целого ряда работ, которые носят фундаментальный (Немиров), содержательный, обобщающий характер (Бельское городище), или являются публикациями материалов из новых памятников (Тарасова Балка, Красное).

Находки ранней греческой керамики можно классифицировать по двум взаимосвязанным параметрам. Это категория собственно самой керамики и тип памятника, где она была найдена. Первый признак объединяет два таксона – парадная столовая керамика, и керамика тарная (амфоры). Второй касается типа памятника и также включает две его разновидности – поселение (городище) и погребение (курган).

О причинах появления и статусе этой керамики в варварском мире Причерноморья, в историографии существует два мнения. Согласно одному из них, появление греческого импорта VII в. на памятниках хинтерланда – результат налаженных, более или менее регулярных торговых связей между эллинами и варварами. Согласно другой версии, эта керамика имела статус неких «дипломатических» подношений, или даров, которые были призваны расположить региональных владык к дарителям и послужить прелюдией к будущим долгосрочным, взаимовыгодным отношениям, которые должны были осуществляться посредством греческих колоний на побережье Черного моря. В последнее время, вторая точка зрения озвучивается все чаще¹. Исследователи обращают внимание на небольшое в целом число этих, самых ранних находок. Предполагается даже наличие разовых партий расписной парадной керамики (например, ойнохои из Немирова и Темир-Горы), которые единовременно появились на северопричерноморском варварском рынке².

Теоретическую основу подобной модели можно выразить с помощью одной удачной фразы, сформулированной Ю.А. Виноградовым: «Дипло-

¹ Вахтина 2007; Вахтина, Рябкова 2020; Маслов, Петренко 2021.

² Вахтина 2007: 51.

матические дары – типичный элемент в регулировании отношений цивилизованных стран с варварами вообще и с номадами, в частности»³.

Впрочем, при переносе теоретической модели в практическую плоскость, часто бывает так, что отдельные звенья этой модели, как бы повисают в воздухе, не имея фактической, событийной опоры. Как этот процесс мог выглядеть на практике, чем он был мотивирован, какой динамикой и длительностью обладал? Все эти вопросы как раз и формируют ту самую фактическую почву, на которую можно приземлить абстрактную модель. Одновременно, они же являются предметом данной публикации.

Переходя непосредственно к этому предмету, с чувством глубокого удовлетворения отметим наличие новейшей работы С.А. Задникова и И.Б. Шрамко⁴ где собрана вся известная к настоящему времени греческая керамика раннеархаического времени с привязкой к соответствующему местонахождению. Соответственно, мы избавлены от необходимости составлять подобный перечень. А, посему, приведем лишь карту этих находок (рис. 1) и перейдем сразу к делу.

Обратимся к памятникам оседлого варварского населения, где имеется самый ранний греческий импорт. Известно, что численность такого импорта, который может быть датирован только VII в., крайне невелика. Причем, эта группа керамики, являясь однородной в хронологическом отношении, состоит и из однотипных сосудов. Если говорить о памятниках, где находки импортной керамики VII в. составляют сколько-нибудь значительные серии, то их на сегодняшний день всего 3.

На Бельском городище (Западное укрепление), где собрана самая многочисленная коллекция раннего греческого импорта, наиболее ранние экземпляры расписной керамики датируются последней третью VII в. Неясно, Впрочем, какое количество керамики может датироваться *только* VII в. Но, важно отметить, что, одновременно с парадной столовой здесь появляется и тарная керамика⁵. Суммарно же, собрание последней трети VII – первой пол. VI вв. насчитывает ок. 50 фрагментов столовой керамики и примерно 300 фрагментов амфорной тары⁶. Поскольку, очевидно, что в этой группе есть (и будут) фрагменты, принадлежавшие одному и тому же сосуду, то, это число в пересчете на условно целые формы нужно уменьшить. И, тогда, вероятно, речь может идти о поставках на городище в течении 70–80 лет двух-трех десятков столовых сосудов и амфор, где-нибудь в пределах сотни единиц, а, скорее всего, значительно меньше. Учитываются при этом крупные габариты тарных сосудов, их способность разбиваться на большое число фрагментов, которые в свою очередь, обладают весьма слабой индивидуальностью, в отличие от расписной посуды⁷.

³ Виноградов 2010: 317.

⁴ Zadnikov, Shramko 2023.

⁵ Zadnikov, Shramko 2023: 242–244.

⁶ Zadnikov, Shramko 2023: 242.

⁷ Будущие раскопки, конечно же, увеличат эту коллекцию. Но, вряд ли стоит ожидать экспоненциального роста.

Разнообразная коллекция античной керамики из Немировского городища, является второй по численности, и насчитывает более 100 фрагментов всего, включая амфорную тару⁸. Понятно, что и эта цифра не окончательная. Очевидно, что не раскопанная часть городища (как и в Бельске) содержит определенный ресурс для пополнения этого фонда. Но, понятно и то, что имеющаяся выборка вполне репрезентативная и, типологическое соотношение в ней, вряд ли может кардинально измениться⁹. В отличие от Бельска, здесь основная масса расписной керамики датируется только VII в., главным образом, третьей его четвертью¹⁰. Для единичных экземпляров М. Кершнер предлагает еще более раннюю дату, которая включает первую половину VII в.¹¹ Некоторое количество обломков, в том числе фрагментированная ойнохоя, датируется уже концом VII – первой пол. VI вв. На сегодняшний день, можно говорить, что фрагменты 3 чтив. VII в. из Немирова происходят, максимум, от полутора-двух (?) десятков фактических экземпляров парадной расписной керамики. Предложенные рамки датирования этой керамики (~650–625 гг.), вряд ли означают, что всю эту коллекцию следует равномерно распределить по всему диапазону. Скорее всего, речь может идти, либо о весьма коротком (в пределах нескольких лет) периоде поставок, а, быть может и вообще о разовом поступлении всей партии.

Что касается амфорной тары, то она начинает поступать на городище в последней четверти VII в. И, похоже, что к этому времени, пик завоза столовой керамики уже прошел¹². Предполагается, что все фрагменты амфор могли принадлежать минимально 11 разным сосудам¹³. Исключая единичные обломки «поздних» амфор, к которым в данном случае относится продукция Хиоса второй пол. VI в., получается, что эти условные 11 сосудов отражают торговые отношения обитателей Немирова с греческими колонистами в течении 70 лет – посл. чтив. VII – первая пол. VI вв. Однако, и здесь реальные поставки (будь то прямые или опосредованные), скорее всего, происходили в значительно более сжатые сроки

Наиболее ранние фрагменты из раскопок Трахтемировского городища, также датируются третьей чтив. VII в., а, М. Кершнер и здесь предлагает расширить этот диапазон на первую половину столетия¹⁴.

⁸ Смирнова и др. 2018: 195.

⁹ Показательно в этом плане, что фрагменты одних и тех же сосудов происходят из раскопок С.С. Гамченко и М.И. Артамонова (Смирнова и др. 2018: 208).

¹⁰ Смирнова и др. 2018: 212–213.

¹¹ Kerschner 2006: 239.

¹² Смирнова и др. 2018: 213, рис. 166.

¹³ Смирнова и др. 2018: 196.

¹⁴ Kerschner 2006: 239. Ойнохоя из Трахтемировского городища, склеенная из почти 40 фрагментов (Фіалко, Болтрік 2003: 41), служит хорошей иллюстрацией на тему истинного соотношения количества отдельных фрагментов и фактических сосудов раннего греческого импорта. Если бы эта ойнохоя оказалась не там, где ее нашли (ров городища), а что называется «выпала» в

Единичные находки фрагментов ранних амфор из Трахтемирова, предварительно определены как продукция Лесбоса, и датируются не ранее посл. чтв. VII в. Основанием для подобного вывода служит отсутствие таких амфор в Ольвии. Поскольку город был основан ок. 600 г., значит, полагает М.И. Дараган, искомые амфоры к этому времени уже не выпускались¹⁵.

Можно упомянуть еще Мотронинское городище, где известна расписная керамика VII в. Правда, это единственный фрагмент, и он датируется последней четвертью столетия¹⁶. Из этого же памятника происходит значительная коллекция амфорной тары, наиболее ранние образцы которой относятся уже к VI в.¹⁷

Из этого небольшого перечня мы видим, что датировки расписной керамики опережают датировки ранней амфорной тары на 20–30 лет. Амфоры, которые были бы синхронны ранним образцам расписной керамики, не найдены ни в местах находок последней, ни где бы то ни было еще¹⁸. В тоже время, амфоры конца VII – нач. VI вв. на памятниках Причерноморья представлены продукцией сразу нескольких центров (Лесбос, Самос, Клазомены, Хиос). На сегодняшний день установлено, что к примеру, Хиос начал выпуск амфор еще во второй чтв. VII в., а Самос, Лесбос и Клазомены вообще в VIII в.¹⁹ И, в принципе, ничто не мешало этим амфорам попадать в Северное Причерноморье уже в середине-третьей четверти VII в., т.е. вместе с ранними образцами расписной керамики. Так, например, весьма популярной в Северном Причерноморье VII в. была продукция Лесбоса, которая присутствует практически на всех поселениях, где найден античный импорт²⁰. При этом, в Восточном Средиземноморье и Великой Греции амфоры Лесбоса известны уже для второй половины-конца VIII в. В Метоне (Македония, побережье Фермейского залива) это сосуды конца VIII – нач. VII вв.²¹ На Ближнем Востоке (Тель Квадади, Израиль) – второй пол. VIII в.²², в Метапонте – первой пол. VII в.²³ В Питекуссах амфоры, которые уже в 3 чтв. VIII в. использовались в качестве контей-

культурный слой, то тогда, количество фрагментов расписной керамики из Трахтемирова могло бы существенно увеличиться.

¹⁵ Дараган 2010: 188–189.

¹⁶ Такая дата приведена в первой публикации (Бессонова, Скорый 2001: 83), ссылаясь на которую С.А. Задников и И.Б. Шрамко, тем не менее, называют другую дату, более раннюю – 640–630 гг. (Zadnikov, Shramko 2023: 244).

¹⁷ Бессонова, Скорый 2001: 76–77 и сл.

¹⁸ Имеются ввиду памятники оседлого населения. Отсутствие амфор, столь же ранних, что и расписная керамика, Р. Ролле объясняет органической природой тары, предназначенной для транспортировки вина в середине – третьей чтв. VII в. (см.: Kerschner 2006: 239, anm. 102). Это предположение кажется достаточно надуманным.

¹⁹ Fantalkin, Tal 2010: 2; Lawall 2020: 118.

²⁰ Zadnikov, Shramko 2023: 241, tabl. 1

²¹ Μεθώνη Περίας 2012: 345–346.

²² Fantalkin, Tal 2010: 5 ff; Lawall, Tzochet 2020: 118.

²³ Birzescu 2012: 26–27, Abb. 1.

нера для захоронения младенцев, до этого имели довольно долгую и насыщенную событиями историю, за время которой, их владельцы оставили на них граффити, причем, на двух языках – греческом и арамейском²⁴. Еще один центр, чья продукция попадала в Причерноморье уже в VII в., это Самос. Судя по материалам все той же Метоны, этот центр также начал выпуск амфор не позднее 700 г.²⁵

Однако, в Причерноморье, включая памятники хинтерланда и колонии на Березани, амфоры Лесбоса, равно как и других центров – Самоса, Клазомен, Хиоса, датируются временем не ранее последней чтв. VII в.²⁶ Есть, впрочем, одно исключение. Предполагается, что на Бельском городище амфорная тара появляется одновременно с ранней расписной керамикой, т.е. – в третьей чтв. VII в. Что лежит в основе такого предположения, не указано. Полагаю, что это могут быть данные, заимствованные из фундаментального исследования Юсуфа Сезгина, который датирует амфоры из Коломака 650–620 гг.²⁷ Однако, имея всего лишь один комплекс, хотя бы и с 2 амфорами, но при отсутствии в нем независимых хроноиндикаторов, рискованно делать далеко идущие выводы. Тем более, что третья амфора этого же типа, из Красногоровки на Нижнем Дону, была найдена вместе с еще одной амфорой, другого типа. Это давало возможность для перекрестного датирования, что в итоге, скорректировало общую дату всего комплекса ближе к концу VII в.²⁸

Помимо амфор типа Коломак, на производство которых кроме Клазомен претендует еще и Хиос, Бельское городище является также единственным пунктом Причерноморья, где столь же рано (третья чтв. VII в.) появляются и амфоры Лесбоса²⁹. Надо думать, что это были типы, отличные от тех, которые известны на других памятниках Причерноморья для несколько более позднего времени (конца VII в.). Правда, внешне, фрагменты из Бельска³⁰ ничем не отличаются от таких же фрагментов лесбосских амфор из Немирова³¹. Похоже, что для ранних образцов тары, как для амфор типа Коломак, так и Лесбоса, С.А. Задников и И.Б. Шрамко просто предпочитают нижний рубеж диапазона датирования верхнему. Само по себе такое предпочтение возможно так и осталось бы в ряду других субъективных оценок множества частных случаев подобного рода. Однако, в данном случае это ведет

²⁴ Hase von 1995: 263–264, Abb. 20. Правда, кажется до сих пор неясно что это за амфоры, какому центру они принадлежат. Фон Хазе полагает, что таким центром был Родос (Hase 1995: 263).

²⁵ Μεθώνη Περίας 2012: 360–365; Kotsonas et al. 2017.

²⁶ Буйских 2014.

²⁷ Sezgin 2012: 58–59. Эти амфоры Ю. Сезгин считает продукцией Клазомен. Они найдены как в курганах, расположенных в 40–50 км от городища (Коломак, Купьеваха), так и в самом Бельске.

²⁸ Монахов 1999: 37.

²⁹ Zadnikov, Shramko 2023: 242.

³⁰ Задников 2009: 17, рис. 3; Zadnikov, Shramko 2023: fig. 3 -4–6.

³¹ Смирнова и др. 2018: 289, табл. 6 -1–5. Судя по первоисточнику этой информации, амфоры продатированы по контексту соответствующих слоев Бельского городища (Задников 2009: 19–20).

к усложнению некоторых других интерпретаций³². На сегодняшний день вряд ли можно говорить о существенных отличиях между амфорами, скажем, того же Лесбоса третьей и четвертой четвертей VII в. Во всяком случае, по тем не слишком выразительным фрагментам, которые составляют коллекции из Бельска, Немирова и других поселений Северного Причерноморья. Неудивительно, поэтому, что фрагменты, которыми мы располагаем, датируются исключительно по контекстам, в которых имеется расписная керамика³³.

Есть и другие центры, которые начали выпуск тары довольно рано, в т.ч. еще в конце VII в. (Афины, Коринф). Однако, будучи представленными на Березани³⁴, амфоры этих центров на памятниках варварской периферии пока не зафиксированы.

Таким образом, положение, согласно которому появление расписной керамики в Северном Причерноморье опережает поставки сюда же амфорной тары на 2–3 десятка лет, предлагается принять и поставить в ряд таких, которые нуждаются в объяснении. И, в принципе, такое объяснение в самом общем виде уже озвучивалось в литературе, хотя бы и тезисно, и не слишком акцентировано, но все же. Попробуем расставить эти самые акценты.

Парадная столовая посуда может рассматриваться в качестве подношений туземцам во время неких единичных (или, вообще разовой) акций дипломатического свойства. Скорее всего, эти сосуды не содержали никакой продукции, а, их единственная ценность заключалась в них самих. Эти находки могут символизировать вполне конкретный институциональный акт, а именно – получение права на поселение в тех землях, которые находились под контролем удельных правителей (племенных вождей) лесостепи³⁵. Только спустя какое-то время после основания колонии (эмпория) начинаются регулярные торговые операции между эллинами и варварами, о чем свидетельствуют находки амфорной тары, которые приобретают более или менее массовый характер к концу VII – началу VI вв.

Большинство исследователей считают, что территория Днепровской лесостепи находилась в той или иной степени под контролем

³² Принимая такие даты и указывая в связи с этим на крайнюю редкость этой ранней тары на Березани, авторы реконструируют исключительно сложный, опосредованный путь попадания таких амфор в Бельск – из Добруджи, через Аргамум – Истрию, в общем потоке западного галыштатского вектора контактов. Не имея возможности подробно останавливаться на данном вопросе, отмечу только, что тема «галыштаттизации», которая явно импонирует авторам, не имеет сколько-нибудь надежной доказательной базы в Левобережной лесостепи, для второй пол. VII в., во всяком случае.

³³ Показательной в данном случае является таблица из монографии Ю. Бырзеску (Birzescu 2012: 204).

³⁴ Буйских 2014: 96.

³⁵ О том, какая судьба могла ожидать колонистов в случае их излишней самонадеянности и неупорядоченности отношений с местным варварским населением, можно узнать из сообщения Диодора Сицилийского об афинском выселке в Амфиполе (Diod. XI.70.5).

скифских вождей. Именно в лесостепи были сосредоточены интересы скифов-кочевников в VII в. Здесь располагалась плотная сеть поселений, обитатели которых демонстрировали культурную, да, и вероятно, этническую преемственность с сообществами бронзового века. Наличие большого числа городищ, строительство которых началось уже в предскифское время, свидетельствовало о том, что к началу раннего железного века, население обширной лесостепной области между Днестром и Доном, хотя и представляло разные в археологическом отношении культуры, вместе с тем, имело очевидные признаки развитого общества со сложившейся социально-политической иерархией и прото-урбанистической структурой. Появление укрепленных центров, возможно, обозначает процесс социальной и политической суверенизации в областях расселения тех или иных сообществ и обособление удельных вождей. Таким образом, раннескифские городища-гиганты, или квазигорода³⁶, по своей сути были, прежде всего, статусными объектами, сооружение которых было призвано подчеркнуть наличие сформировавшегося социально ранжированного сообщества с горизонтальной политической структурой. Основу этой структуры на местности, ее центр, и представляло то или иное городище³⁷. Внешняя угроза, как фактор появления городищ, также имела значение, но в содержательном плане она вторична. И, в этом случае практические, оборонительные функции могли нести сравнительно небольшие укрепленные участки внутри внешней линии конкретного крупного городища. Например, это «Замчиско» в Немирове, Малые Валки в Трахтемирове, или укрепления Бельского городища – Западное, Восточное, Куземинское³⁸.

³⁶ Андреев 1989: 12–13.

³⁷ Проблема функциональности городищ и, прежде всего, главного их признака – оборонительных сооружений, обозначена давно. Так, отмечалось что в целом ряде случаев фортификация крупных городищ с военной, практической точки зрения выглядит не слишком убедительно. Соответственно, решать эту проблему можно с двух позиций – рациональной, когда городища являются тем, чем они должны являться, т.е. крепостями-убежищами, или номинальной. В последнем случае, гигантские дерево-земляные конструкции выступают в качестве некоего символа суверенизации того или иного правителя, той или иной области, и в этом отношении они имели бы множество примеров из культурного пространства Древнего Востока от эпохи протогородов, и, далее к ранним империям. Так, протогородской центр Алтын-депе, имея внешние стены, фактически не имел ворот, на месте которых находились своеобразные пропилеи (Массон 1981: 30 слл, рис. 10). Во втором случае, ярким примером выступает Хаттуса, столица Хеттского царства. Территорию города ~2,5×1 км окружали циклопические стены внешнего обвода. В них было устроено несколько ворот, которые, по-видимому, никак не запирались и фактически представляли собой парадные въезды. Город выполнял функции сакрального и административно-политического центра, а также был местом, где находилась царская резиденция. Последняя имела собственную фортификацию, и, таким образом фактически представляла собой цитадель.

³⁸ О городищах раннескифского времени, как явлении прото-урбанистического порядка, сопровождавшего процессы социализации и экономического

Степная полоса в отличие от лесостепи, не являлась зоной постоянного обитания какого бы то ни было населения в период между финалом белозерской культуры (X в.) и вплоть до конца архаического периода. Однако, эта ландшафтная зона имела значение для определенных направлений хозяйственной деятельности оседлого населения лесостепи.

Пришельцы-завоеватели, как и их многочисленные потомки-номады, предпочитали особо не вмешиваться в хозяйственно-экономический уклад местного населения, ограничиваясь трибутарными отношениями. Основу этого уклада, наряду с земледелием составляло также и скотоводство, где была развита отгонная форма, для которой характерны сезонные меридиональные перегоны скота с летних пастбищ на зимние, и наоборот. Отгон осуществляли пастухи, составлявшие специализированную хозяйственную группу населения. Вместе со скотом они обычно передвигались вдоль русел степных рек, что в предыдущий, предскифский период (или «эпоху независимости») хорошо обозначала серия довольно однотипных, степных захоронений. Они совершались в неглубоких ямах, обычно впущенных прямо по центру курганной насыпи. Их погребальный обряд весьма невыразительный и производит впечатление совершенного наспех. Эти комплексы концентрируются в бассейнах крупных рек. Так, примерно 2/3 погребений предскифского периода в регионе между Тилигулом и Дунаем сосредоточено в прирусловой зоне Днестра³⁹.

Помимо отгонного скотоводства, надо учитывать и еще один потенциальный фактор экономического роста, необычайная популярность которого довольно сильно повредила ему, возведя его в ранг некой универсалии в объяснении процессов культурогенеза. Речь идет об осадочной соли в причерноморских лиманах. Мы ничего не знаем о добыче этого минерала в древнем Причерноморье. В источниках есть лишь указания на его наличие (Hdt. IV.53). В тоже время, хорошо известно, что в XVII–XVIII вв., крестьяне т.н. Ханцины и запорожские казаки занимались чумацким промыслом, который как раз и заключался в добыче осадочной соли. Примечательно, что разрешение на эту добычу, обитатели лесостепной части нынешней Украины должны были получать у предводителей татарских (ногайских) орд, кочевавших в прибрежной зоне⁴⁰. То есть, ситуация обратная той, которая здесь реконструируется. И, это вполне понятно, поскольку в отличие от раннеантичной эпохи доминирующая в военно-политическом отношении сила располагалась не на севере, в лесостепи, а, на юге, в приморской степной зоне.

роста, исследователи говорят давно (обзор мнений см.: Дараган 2011: 742–743). Однако, в конечном итоге все сводится к их военно-политической функции.

³⁹ Бруяко 2005: 18, рис. 1; 76.

⁴⁰ Так, Едисанская орда контролировала области между Днепром и Днестром, где располагались два наиболее крупных соленосных лимана – Хаджибейский и Куяльницкий, в настоящее время сильно опресненных.

Поскольку, основу прото-урбанистической структуры в лесостепной зоне составляли многочисленные городища⁴¹, то наиболее крупные из них должны были представлять собой территориальные центры, объединявшие вокруг себя популяционные группы (вожества) и поселенческие агломерации. Соответственно, можно говорить о неких политиках, во главе которых стояли лица, имевшие резиденции на таких городищах. Каждый из таких центров-городищ имел свою область хозяйственной экспансии, куда помимо ближней периферии входила также и дальняя зона. Можно даже попробовать перейти к конкретике и предположить, что политика с центром в Немирово контролировала низовья Буга-Гипаниса. Суверены, чьими резиденциями были Трахтемирово и Мотронино (верховья Ингула и Ингульца), соответственно – степное пространство между низовьями Днестра-Борисфена и Буга-Гипаниса⁴².

С кем вступали в договорные отношения эллины, с номадами-пришельцами, либо «князьями»-автохтонами, которые находились в некоей зависимости от первых – для нашей темы не столь важно. Хотя, все же, скифы вряд ли ставили местных владык под тотальный контроль, а тем более, заменяли их на «троне». Да, в этом, наверное, не было и необходимости. Возможно, что схема взаимоотношений между номадами и местным населением не была универсальной для всей Причерноморской лесостепи системой подчиненности (зависимости) вторых от первых, и районы Правобережной и Левобережной лесостепи отличались в этом смысле друг от друга. Некоторые основания для такого предположения дает ситуация на Левобережье, где находилось Бельское городище, которое занимало особое место среди городищ лесостепи, и не только из-за своих размеров.

Несмотря на то, что Бельск расположен в Левобережной лесостепи, общая география, конфигурация пространства, вмещающего городище, включая гидросистему, а также сеть торговых путей, позволяет думать, что внешние приоритеты городища (= элиты того сообщества, центром которого выступал Бельск-Гелон) были направлены скорее на юго-запад, в низовья Днестра, чем на юг, в Приазовье, или юго-восток – в низовья Дона. По последним данным городище, как укрепленный квази-мегаполис, возникло не ранее VI (или даже, середины VI) в. До того, здесь находились неукрепленные поселения, среди которых наиболее ранним было поселение, возникшее на территории Западного укрепления, еще в VIII в.⁴³ И, тогда получается, что в VII в. необходимости в фортификационных сооружениях вокруг Бельска не было. Ни с практической, ни

⁴¹ Удивительно, и одновременно достойно сожаления, что вплоть до настоящего времени, этот яркий и содержательный феномен, так и не стал темой специального, комплексного исследования, будучи ограниченным масштабами отдельной статьи либо раздела в монографии.

⁴² Возможно, появление импорта, крайне малочисленного, на двух последних городищах – следствие перераспределения партии, поставленной в Немиров, среди правителей второго звена, имевших, впрочем, высокую степень автономии.

⁴³ Shramko 2021: 179.

с символической точек зрения. Это едва ли не уникальная ситуация, и в таком виде требует объяснения. Если *a priori* не подвергать сомнению новейшую датировку оборонительных сооружений Бельска, то у меня такого объяснения нет. Кроме, пожалуй, одного. Дело в том, что на Левобережье городища вообще начали сооружать только в VI в., да и то, ближе к его середине⁴⁴. Следовательно, обустройство городищ на Левобережье шло одновременно с прекращением их существования в Правобережной лесостепи (Немирово, Мотронино, Трахтемирово). Во всяком случае, речь идет о тех городищах, в отношении которых мы располагаем содержательным фондом источников. Номады, появившись, как известно, с востока, своим появлением в VII в., постепенно консолидировали местное население Левобережья под своей властью. А, Бельск становится неким центром этого объединения⁴⁵. Поскольку, скифы и олицетворяли единственную реальную силу в регионе, то и необходимости в оборонительных сооружениях вокруг Западного укрепления на то время не было никакой. Здесь, возможно и находилась резиденция (ставка) правителя скифского племенного союза⁴⁶. И, в отличие от ситуации на Правобережье, здесь таким сувереном был уже представитель пришлой, а не местной знати.

В VI в. положение дел изменилось. Если обратиться к оценке укреплений Бельска с позиций противопоставления практического и символического, то можно сказать следующее. Гигантские размеры фортификационных сооружений исключают всякую возможность их эффективной обороны (*resp.* равномерного распределения «защитников» по всей линии) в случае нападения извне, а значит и практическую функциональность всей системы. И тогда можно говорить о том, что и здесь укрепления имели скорее символический, статусный характер. Во всяком случае, это справедливо для внешнего обвода Бельска. А прикладное, сугубо военное значение, как уже отмечалось, могли иметь линии обороны Западного и Восточного укреплений, которые таким образом, выполняли функции цитадели.

Возвращаясь к раннему импорту и теме дипломатии, отметим, что эскиз договорных отношений между варварами и эллинами по вопросу получения прав на владение какой-то территорией, давно известен из письменных источников. Согласно сведениям, дошедшим до нас через Стефана Византийского, греки купили право на поселение в Пантикапее у скифского царя Агаэта. Ф.В. Шелов-Коведяев в своей книге по истории раннего Боспора писал, что эта версия в настоящее время (80-е гг. XX в.) полностью опровергнута, но не потому что этого не могло быть в принципе, а лишь постольку поскольку на Керченском п-ове нет никаких следов присутствия туземного населения, которое обитало бы здесь накануне колонизации⁴⁷. Тем самым, подразумевалось, что некая общность

⁴⁴ Гречко 2020: 95.

⁴⁵ Практически тоже самое предполагает Д.С. Гречко (2020: 98).

⁴⁶ Гречко 2020: 98. Керамический импорт VII в. обнаружен только на Западном укреплении (Shramko 2021: 193–194).

⁴⁷ Шелов-Коведяев 1985: 52.

скифов (племя, союз племен), которую мог возглавлять какой-нибудь вождь, например, Агаэт, обитая в Восточном Крыму, должна была оставить какие-то археологические следы своей жизнедеятельности.

В 1980 г. группа молодых ленинградских ученых выдвинула гипотезу о существовании в архаическую эпоху маршрута сезонных миграций скифов из Поднепровья через Таврию и Боспор в Прикубанье, и наоборот⁴⁸. Эта гипотеза была основана на данных античной литературной традиции, средневековых источников, а также на анализе некоторых категорий археологического материала. В 1991 г., развивая эту версию уже самостоятельно, М.Ю. Вахтина дополнила археологическую часть перечнем находок ранней античной керамики⁴⁹. Если оживить предлагаемую реконструкцию, снабдив ее некоторой драматургией, то тогда можно предположить, что некий удельный правитель (условно Агаэт) и его союз вел вполне себе типичный, кочевой образ жизни, основой которого были сезонные перемещения вместе со стадами. Одним из маршрутов таких перемещений (вероятно, основным) был тот, который реконструировали упомянутые авторы на основании ограниченного числа источников, что делало эту идею тогда уязвимой для критики. Однако, сегодня, после находок керамики VII в. в Красном, выстраивается достаточно явственная цепочка таких комплексов, которые делают гипотезу, высказанную в 80 г., гораздо более убедительной. А все еще очень редкие звенья этой цепочки можно дополнить двумя, не то чтобы новыми, но до сих пор в данной модели не задействованными. Это мечи из Келермеса и Литого кургана, сделанные в одной мастерской в одно и то же время⁵⁰.

Хорошо известно, что в аристократических и царских курганах VII в., таких как Келермес, греческий импорт отсутствует. Почему-то считается, что такая ситуация противоречит здравому смыслу, и, соответственно, нуждается в объяснении. На этот счет существует две версии. Одна из них имеет признаки апофатической и прикладной одновременно. Поскольку античного импорта в Келермесе нет, значит, полагает А.С. Балахванцев, могильник датируется временем, предшествующим началу колонизации Северного Причерноморья⁵¹, т.е. 60–50 гг. VII в. Вторая гипотеза лежит в сфере неких ритуальных стандартов, объясняя отсутствие греческой керамики в погребениях элиты ее «непрестижностью»⁵². Если согласиться с тем, что ранний греческий импорт просто обязан был быть представлен в аристократических захоронениях скифов, то хронологическая версия выглядит более правдоподобной. Фактор «непрестижности» потребует, в свою очередь, объяснить наличие

⁴⁸ Вахтина, Виноградов, Рогов 1980.

⁴⁹ Вахтина 1991.

⁵⁰ Кисель 2003: 30 с литер. С.Г. Колтухов обратил внимание на то, что 2 погребения этой цепочки – Филатовка и Темир-Гора расположены соответственно, у северного и восточного входа на Крымский полуостров. Такая локализация усиливает убедительность отмеченной гипотезы (Колтухов 2023: 82).

⁵¹ Балахванцев 2016: 16, сн. 1.

⁵² Zadnikov, Shramko 2023: 256–257, 266.

такой керамики в «рядовых» скифских погребениях (Филатовка, Болтышка, Темир-Гора, Красное, р. Калитва/Криворожская слобода). При этом, что в 2 из них – Темир-Гора и Криворожская слобода – вместе с расписной керамикой найдена и древневосточная торевтика⁵³. И тогда, возможно, присутствие эллинской керамики в ранних погребениях высшей знати, по каким-то причинам не предусматривалось⁵⁴. Впрочем, что из себя представляют погребения скифской «аристократии» VII в., за пределами Северного Кавказа, до сих пор неизвестно. В Причерноморье эта категория исчерпывается комплексом Мельгуновского кургана, тип которого по-прежнему остается неясным⁵⁵.

Несколько изолировано в предлагаемой модели мироустройства Причерноморья VII в. до Р.Х. выглядит феномен Таганрогского поселения, у которого, вероятно, был какой-то свой сюзерен в варварском мире. Кто это мог быть и где конкретно находились его владения, возможно, дают ответ находки античной керамики VII в. в бассейне Дона и Северского Донца⁵⁶. Оставаясь в этой теме, можно попробовать ответить на вопрос, «...почему греки основали первое поселение не на берегах Керченского пролива, а гораздо севернее, почти у устья Дона?»⁵⁷. Основание двух поселений – Таганрога и Пантикапея – нужно рассматривать как явления взаимосвязанные (взаимообусловленные), составлявшие суть одного процесса. Предположим, что первичность Таганрогского поселения в этой паре предполагает и первичное торговое начало на этом раннем этапе. Этот населенный пункт оказывается самым северным из всех и наиболее глубоко выдвинутым вглубь Барбарикума. Основание Пантикапея несло уже регламентирующее начало в виде заранее определенных полисных функций (центр будущей аграрной

⁵³ Кисель 2003: 126, 133–134.

⁵⁴ Возможно, речь следует вести о неприятии элементов чужой культуры (в погребальном обряде, во всяком случае), которые были получены не военным путем, т.е. не в качестве трофеев.

⁵⁵ Скифы, похороненные в Келермесском могильнике, и скифы Причерноморья и Приазовья, принадлежали разным группировкам, пути которых разошлись в первой трети VII в. Первые, возглавляемые Ишпакаем и Партатуа на рубеже 80-х – 70-х гг. ушли на юг, в Переднюю Азию, откуда вернулись спустя 10–15 лет. Вторые остались в Причерноморье и стали свидетелями появления первых греческих мореплавателей, и одними из первых их контрагентов. Переднеазиатские приключения должны были поспособствовать быстрой и основательной иерархизации скифов Северного Кавказа, по сравнению с их причерноморскими сородичами, чье общество в целом оставалось гораздо более эгалитарным.

⁵⁶ Книпович 1934.

⁵⁷ Кузнецов 2013: 128–129.

области, рыбного промысла) и перекрестный контроль над переправой, возможно, по договоренности со скифами⁵⁸.

Возможно, в планах колонизаторов уже в VII в. было и освоение низовьев Днестра⁵⁹. Во всяком случае, коллекция ранней греческой керамики на поселениях левобережья Среднего Днестра при впадении в него р. Збруч (Иване Пусте и Залесье) вполне могла быть результатом такого освоения. Впрочем, вряд ли именно сюда устремились греческие негоцианты с набором дипломатических подношений. Тем более, что керамика из этих поселений в основном датируется уже VI в. Скорее всего, эти небольшие поселки в качестве получателя греческого импорта были вторичны по отношению к какому-нибудь крупному поселенческому объекту с административно-политическими функциями. Это могло быть и Немировское городище, что кажется весьма вероятным, учитывая, что на пути между Немировым и устьем Збруча находится еще одно городище, где найден архаический импорт – Севериновское⁶⁰. Это могло быть какое-то из примерно полудюжины десятков городищ, расположенных по руслам многочисленных притоков левобережья Днестра от Каменец-Подольского до Могилева-Подольского⁶¹. Пока известно лишь то, что ранний античный импорт определенно проникал вверх по течению Днестра, правда, совсем недалеко от устья реки. Недавно была опубликована группа античной импортной керамики из поселения Чобручи в Приднестровье. И, хотя, ее нижняя граница не выходит за пределы VI в. (580–560 гг.), но примечательно в данном случае даже не это, а то, что коллекция примерно на 20–30 лет древнее основания Никония – первого полиса в низовьях Тираса⁶². Амфорная тара из этого же поселения специально

⁵⁸ Боспор вообще оказался особенным очагом колонизации в Северном Причерноморье. Если для Ольвии-Борисфена, Никония, Тиры было характерно вертикальное (меридиональное) освоение региона, которое предопределялось долинами крупных степных рек, то на Боспоре хозяйственная экспансия, ограниченная в пространстве с севера и с юга, вынужденно развивалась в широтном направлении. На раннем этапе не самый привлекательный в хозяйственном и торговом отношении район, оказался для эллинов в числе приоритетных прежде всего, как стратегический узел (Брумяко, Секерская 2016: 143–144).

⁵⁹ Греческим морякам этот район был знаком, по меньшей мере, начиная с середины VII в. (Брумяко 2019: 400–401).

⁶⁰ Shelekhan' et al. 2016: 161.

⁶¹ Из этого количества планомерным систематическим исследованиям подвергалось всего 2 городища – Рудковецкое и Григоровское. На первом из них раскопки велись в 70-е гг. XX в. Их результаты до сих пор почти неизвестны. Неясно даже как датируется памятник в целом. Диапазон предлагается широкий – X–VII вв. По материалам Григоровского городища опубликованным в целой серии статей, получается, что памятник (поселение) не доживает до VII в.

⁶² Фидельский, Тельнов 2021: 276; Секерская, Буйских 2019: 210. Вброшенное в научное пространство сообщение о находке фрагментов расписной керамики VII в. в некоем кургане у с. Чобручи, там же, в низовьях Днестра (Tsetskhladze 2016) имеет не вполне строгий, по академическим меркам, источник происхождения (courtesy V. Banaru), который до сих пор официально хранит молчание.

не изучалась. Авторы публикации отмечают что она есть и дают суммарную датировку – вторая пол. VI в. до Р.Х.⁶³

* * *

Античная столовая керамика на поселениях Правобережья, Побужья и Среднего Днестра, это дары, призванные установить «дипотношения», на основании которых греки в какой-то форме могли получить право на заселение прибрежных территорий⁶⁴. Эти территории, на протяжении предскифской эпохи находились под потенциальным контролем лесостепных племен, который выражался в их хозяйственно-экономической эксплуатации (сезонные отгоны скота на степные пастбища, добыча соли (?) в акваториях прибрежных лиманов).

В собраниях импортной керамики из памятников варварской периферии находки столовой керамики и керамики тарной (амфор) имеют, скорее всего, разную природу. Так, именно находки тарной керамики это и есть тот признак, по которому безошибочно определяется наличие регулярных договорных (торговых) отношений⁶⁵. А поскольку амфоры начинают преобладать в составе импорта только в конце VII – нач. VI вв. (около 600 г.), то соответственно налаживание таких отношений происходит примерно через 20–30 лет после того, как были установлены первые контакты эллинов с местными правителями, вывод собственно колонии, ее обустройство, включая устойчивую, регулярную связь с метрополией.

Во всем этом процессе, большую, а быть может, и определяющую роль сыграли образцы высокохудожественной античной парадной керамики, которые считаются шедеврами ранней греческой вазописи⁶⁶. Что же касается регулярной торговли расписными вазами, то эта система сложилась в Северо-Западном Причерноморье позднее, в конце VII – начале VI вв.⁶⁷, вместе с началом более или менее систематических поставок продукции в амфорах.

Споры о доколониционном периоде греко-варварских отношений могут оказаться в значительной степени бессмысленными, поскольку, период времени, прошедший между дипломатической миссией ко двору удельного правителя (усл. Немиров) и, последовавшим по ее итогам основанием колонии (усл. Борисфенида), вряд ли был слишком большим⁶⁸. Скорее всего, он измерялся несколькими годами, в течении которых вполне могла иметь место еще одна аналогичная миссия с подтверждением серьезности намерений. И, формально, этот период, ра-

⁶³ Фидельский, Тельнов 2021: 276.

⁶⁴ Примерно так же оценивается распространение парадной геометрической керамики на Ближнем Востоке (Dickinson 2006: 201).

⁶⁵ Dickinson 2006: 201, 209.

⁶⁶ Поскольку, набор такой керамики стандартный – кувшины (ойнохои) и сосуды для питья, то предположение М. Кершнера о том, что они были востребованы именно в этом сочетании использовались на каких-то празднествах или церемониальных мероприятиях (Kerschner 2006: 239), выглядит весьма правдоподобно.

⁶⁷ Буйских 2013: 18.

⁶⁸ Иванчик 2005: 107; Буйских 2015: 9; Вахтина 2023: 85.

зумеется, можно назвать доколониционным. Вот только вряд ли он обладал какой-то особой содержательностью, претендующей на некий отдельный таксон в безбрежном море понятий, формирующих неисчерпаемую тему греко-варварских взаимоотношений. В случае острой потребности дать этому периоду какое-то название, лучше всего будет называть его предколониционным. Гораздо важнее другое – материальная составляющая этого эпизода, которую на сегодня может обеспечить только колония на о. Березань, ее археологические материалы.

Существовала ли еще более ранняя фаза, которую можно было бы назвать рекогносцировочной в масштабах всего Северного Причерноморья, и которая, таким образом, предшествовала конкретным посольским миссиям⁶⁹? Такие посещения греками северопонтийского побережья, бесспорно должны были иметь место. Но, и в том случае, если процедура вывода колонии состояла из трех этапов (рекогносцировочный, дипломатический и фактический), это вряд ли могло растянуться на десятилетия. Гипотеза о существовании периода большой длительности, предварявшего возникновение первых колоний, не имеет подтверждения в источниках. Скорее, напротив. К примеру, Гесиод, по-видимому, не знал ни одной реки в Северном Причерноморье. Его географический кругозор ограничивался к северу течениями Истра (Дунай) и Фазиса (Кубань, или Риони). Поскольку же, *акме* Гесиода традиционно устанавливается вокруг 700 г., то можно думать, что северное побережье Понта Эвксинского стало известно грекам уже после этой даты⁷⁰. VII в. в степном Причерноморье, это эпоха спонтанной демократии, которую определяли разрозненные апойкии (Борисфен, возможно, Ольвия, Таганрогское поселение), и группы лесостепного населения, сезонно посещавшие регион в силу своей корпоративной специализации, под которой понимается пастушеское скотоводство. Периодически, здесь обозначали свое присутствие невлиятельные, разобщенные мелкие группировки номадов-пришельцев (Темир-Гора, Филатовка, Красногоровка, Криворожье).

Появление сети колоний и постепенный рост их торгово-экономического потенциала, привлекают все более пристальное внимание со стороны скифов, которые в течении первой половины VI в. начинают распределять сферу своих интересов между двумя контрагентами – эл-

⁶⁹ Кажется, первой, кто обозначил эту фазу и назвал ее именно рекогносцировочной, была Татьяна Николаевна Книпович (Книпович 1934: 33–34).

⁷⁰ Тот же вывод следует и из хрестоматийного фрагмента «Одиссеи», где речь идет о прибытии царя Итаки в страну киммерийцев, которая находилась в пределах «глубокотекущего Океана» (Od. XI.14). Достигнуть пределов Океана Одиссей и его спутники могли только в том случае, если в то время Понт представлялся его заливом, а не замкнутым бассейном. То есть, о существовании северного побережья Гомер не знал. Или лучше сказать, в то время, когда создавалась поэма, а это мог быть все тот же условный 700 г., или чуть позже, греки не имели представления о Северном Причерноморье (Иванчик 2005: 64, 77). Да, и статус острова Левка в раннеархаическую эпоху как некой точки возврата на границе мира живых и мертвых (Подосинов 2015: 45, 50), в замкнутом пространстве Понта выглядел бы не слишком убедительно.

динами и аборигенами лесостепи. Последние в период архаики находились в определенной степени зависимости от кочевников, которая, скорее всего, была согласована (регулировалась) посредством взаимоотношений между скифской элитой и местными правителями. Возможно, этот процесс сопровождался постепенным упадком городищ Правобережья и появлением их в лесостепной полосе восточнее Днепра (Бельск-Гелон).

Возникновение в VI в. феномена сельскохозяйственной округи греческих полисов (первый период расцвета хоры) диктовалось не только внутри- и межполисной экономической стратегией. Процесс мог быть интенсифицирован благодаря заинтересованности, которую проявляли к нему скифы. А к обустройству хоры могли привлекаться также обитатели лесостепи. За появлением форм лесостепной АК в материальной культуре сельских поселений и полисов следует видеть появление здесь соответствующего населения и, может быть, это переселение не всегда была добровольным. Постепенно степное пространство в VI в. начинают наполнять и собственно скифские памятники, где столетием ранее VII в. они были большой редкостью.

Литература/References

- Андреев Ю.В. 1989. Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. М. [Andreev Yu.V. 1989. Ostrovnye poseleniya Egeyskogo mira v epokhu bronzy. Moskva].
- Балахванцев А.С. 2016. Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25–27 апреля 2016 г.) / А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда (ред.). М. С. 15–24 [Balakhvantsev A.S. 2016. Absolyutnaya khronologiya arkhaicheskoy Skifii: vostochnye repery // Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchyonnoy pamyati Marii Nikolaevny Pogrebovoy (Moskva, 25–27 aprelya 2016 g.) / A.S. Balahvancev, S.V. Kullanda (red.). Moskva. S. 15–24].
- Бессонова С.С., Скорый С.А. 2001. Мотронинское городище скифской эпохи. Киев; Краков [Bessonova S.S., Skoryy S.A. 2001. Motroninskoe gorodishche skifskoy epokhi. Kiev; Krakov].
- Брусяко И.В. 2005. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.). Кишинев [Bruyako I.V. 2005. Rannie kochevniki v Evrope (X–V vv. do R.Kh.). Kishinev].
- Брусяко И.В. 2019. «Никоний Киммерийский»: о понтийской версии киммерийского логоса и о том, как явное может стать тайным // Stratum plus. № 3. С. 393–406 [Bruyako I.V. 2019. «Nikoniyy Kimmeriyskiy»: o pontiyskoy versii kimmeriyskogo logosa i o tom, kak yavnoe mozhet stat' taynym // Stratum plus. № 3. S. 393–406].
- Буйских А.В. 2013. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев [Buyskikh A.V. 2013. Arkhaicheskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii. Kiev].
- Буйских А.В. 2014. Амфоры конца VII – первой половины V в. до н.э. из Борисфена // Археологія і давня історія України. Вып. 1 (12). С. 88–100 [Buyskikh A.V. 2014. Amfory kontsa VII – pervoy poloviny V v. do n.e. iz Borisfena // Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni. Vyp. 1 (12). S. 88–100].
- Буйських А.В. 2015. Кераміка першої половини VII ст. до н.е. та питання доколонізаційних зв'язків у Північному Причорномор'ї // Археологія. № 1. С. 3–11 [Buys'kikh A.V. 2015. Keramika pershoï polovini VII st. do n.e. ta pitannya

- dokolonizatsiynikh zv'yazkiv u Pivnichnomu Prichornomor'ї. Arkheologiya. № 1. S. 3–11].
- Вахтина М.Ю.* 1991. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора / Е.А. Молев (отв. ред.). Воронеж-Белгород. С. 3–11 [Vakhtina M.Yu. 1991. «Skifskiy put'» v Prikuban'e i nekotorye drevnosti Kryma v epokhu arkhaiki // Voprosy istorii i arkheologii Bospora / E.A. Molev (otv. red.). Voronezh-Belgorod. S. 3–11].
- Вахтина М.Ю.* 2007. Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища в Побужье // Ранний залізний вік Євразії. До 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна. Матеріали Міжнародної наукової конференції (16–19 травня 2007 р.) / С.А. Скорый (отв. ред.). Київ-Чигирин. С. 49–51 [Vakhtina M.Yu. 2007. Grecheskaya arkhaicheskaya keramika iz raskopok Nemirovskogo gorodishcha v Pobuzh'e // Ranniy zalizniy vik Evrazii. Do 100-richchya vid dnya narodzhennya Oleksiya Ivanovicha Terenozhkina. Materiali Mizhnarodnoi naukovoi konferentsii (16–19 travnya 2007 r.). / S.A. Skoryj (otv. red.). Kiiv-Chigirin. S. 49–51].
- Вахтина М.Ю.* 2023. Взгляды А.А. Иессена на доколониционные контакты в Северном Причерноморье в свете современных исследований // АВ. Вып. 38. С. 76–88 [Vakhtina M.Yu. 2023. Vzglyady A.A. Iessena na dokolonizatsionnye kontakty v Severnom Prichernomor'e v svete sovremennykh issledovaniy // Arkheologicheskie vesti. Vyp. 38. S. 76–88].
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я.* 1980. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. № 1. С. 155–161 [Vakhtina M.Yu., Vinogradov Yu.A., Rogov E.Ya. 1980. Ob odnom iz marshrutov voennykh pokhodov i sezonnykh migratsiy kochevykh skifov. Vestnik drevney istorii. № 1. S. 155–161].
- Вахтина М.Ю., Рябкова Т.В.* 2020. О фрагменте греческой ойнохой из кургана у с. Болтышка // АВ. Вып. 29. С. 269–277 [Vakhtina M.Yu., Ryabkova T.V. 2020. O fragmente grecheskoy oinohei iz kurgana u s. Boltysheka. Arkheologicheskie vesti. Vyp. 29. S. 269–277].
- Виноградов Ю.А.* 2010. Некоторые современные тенденции в изучении экономики Боспорского государства IV в. до н.э. // АМА. Вып. 14. С. 308–319 [Vinogradov Yu.A. 2010. Nekotorye sovremennye tendentsii v izuchenii ekonomiki Bosporskogo gosudarstva IV v. do n.e. // Antichnyy mir i arkheologiya. Vyp. 14. S. 308–319].
- Гречко Д.С.* 2020. Поселенські системи Дніпровського лісостепоного Лівобережжя другої половини VIII – середини VI ст. до н.е. // Археологія і давня історія України. № 3 (36). С. 91–100 [Grechko D.S. 2020. Poselens'ki sistemi Dniprovs'kogo lisostepovogo Livoberezhzhya drugoi polovini VIII – seredini VI st. do n.e. // Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini. № 3 (36). S. 91–100].
- Дараган М.Н.* 2010. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могила // АМА. Вып. 14. С. 175–202 [Daragan M.N. 2010. O datirovke amfory iz pogrebeniya № 2 Repyakhovatoy Mogily // Antichnyy mir i arkheologiya. Vyp. 14. S. 175–202].
- Дараган М.Н.* 2011. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев [Daragan M.N. 2011. Nachalo rannego zheleznogo века v Dneprovskoy Pravoberezhnoy lesostepi. Kiev].
- Задников С.А.* 2009. Античная керамика третьей четверти VII в. до н.э. из раскопок на Бельском городище // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции / В.П. Копылов (отв. ред.). Ростов-на-Дону. С. 15–21 [Zadnikov S.A. 2009. Antichnaya kera-

- mika tret'ey chetverti VII v. do n.e. iz raskopok na Bel'skom gorodishche // Mezhdunarodnye otnosheniya v basseynе Chyernogo morya v skifo-antichnoe i hazarskoe vremya. Sbornik statey po materialam XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / V.P. Kopylov (otv. red.). Rostov-na-Donu. S. 15–21].
- Иванчик А.И. 2005. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история / Pontus Septentrionalis III. Москва, Берлин [Ivanchik A.I. 2005. Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoy literaturnoy traditsii: fol'klor, literatura i istoriya / Pontus Septentrionalis III. Moskva, Berlin].
- Кисель В.А. 2003. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб. [Kisel' V.A. 2003. Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov. Sankt Peterburg].
- Книпович Т.Н. 1934. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаис в VII – V вв. до н.э. // Известия ГАИМК. Вып. 104. С. 90–111 [Knipovich T.N. 1934. K voprosu o trgovykh snosheniyakh grekov s oblast'yu reki Tanais v VII – V vv. do n.e. // Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury. Vyp. 104. S. 90–111].
- Колтухов С.Г. 2023. Две группы памятников периода скифской архаики в Крыму // История и археология Крыма. Вып. XVIII. С. 77–124 [Koltukhov S.G. 2023. Dve grupy pamyatnikov perioda skifskoy arkhaiki v Krymu // Istoriya i arkheologiya Kryma. Vyp. XVIII. S. 77–124].
- Кузнецов В.Д. 2013. Заметки по греческой колонизации Боспора // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию проф. В.П. Копылова / А.Н. Коваленко (отв. ред.). Ростов-на-Дону. С. 127–131 [Kuznetsov V.D. 2013. Zametki po grecheskoy kolonizatsii Bospora // Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya. Sbornik nauchnykh trudov posvyashchyonnykh 65-letiyu prof. V.P. Kopylova / A.N. Kovalenko (otv. red.). Rostov-na-Donu. S. 127–131].
- Маслов В.Е., Петренко В.Г. 2021. Детали головных уборов и диадем из могильника Новозаведенное-II // Восток/Oriens (6). С. 78–89 [Maslov V.E., Petrenko V.G. 2021. Detali golovnykh uborov i diadem iz mogil'nika Novozavedennoe-II // Vostok/Oriens (6). S. 78–89].
- Массон В.М. 1981. Алтын-Депе // Труды Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции. Т. XVIII. Л. [Masson V.M. 1981. Altyn-Depe // Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii. T. XVIII. Leningrad].
- Монахов С.Ю. 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов [Monakhov S.Yu. 1999. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary. Saratov].
- Подосинов А.В. 2015. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М. [Podosinov A.V. 2015. Kuda plaval Odissey? O geograficheskikh predstavleniyakh grekov arkhaicheskoy epokhi. Moskva].
- Секерская Н.М., Буйских А.В. 2019. Ранняя расписная керамика из Нико́ния // МАСП. Вып. 14. С. 203–212 [Sekerskaya N.M., Buyskikh A.V. 2019. Rannyya raspisnaya keramika iz Nikoniya // Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya. Vyp. 14. S. 203–212].
- Смирнова Г.И., Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т., Старкова Е.Г. 2018. Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. СПб. [Smirnova G.I., Vakhtina M.Yu., Kashuba M.T., Starkova E.G. 2018. Gorodishche Nemirov na reke Yuzhnyy Bug. Po materialam raskopok v XX veke iz kollektsiy Gosudarstvennogo Ermitazha i Nauchnogo arkhiva IIMK RAN. Sankt Peterburg].

- Фіалко О.Є., Болтрик Ю.В. 2003. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ [Fialko O.E., Boltrik Yu.V. 2003. Napad skifiv na Trakhtemirivs'ke gorodishche. Kyiv].
- Фидельский С.А., Тельнов Н.П. 2021. Античная расписная керамика архаического времени из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // *Stratum plus*. № 3. С. 261–280 [Fidel'skiy S.A., Tel'nov N.P. 2021. Antichnaya raspisnaya keramika arkhaicheskogo vremeni iz poseleniya Chobruchi na levoberezh'e Nizhnego Dnestra // *Stratum plus*. № 3. S. 261–280].
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. История Боспора в VI – IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М. С. 5–187 [Shelov-Kovedyayev F.V. 1985. Istoriya Bospora v VI – IV vv. do n.e. // *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR*. Moskva. S. 5–187].
- Bîrzescu Iu. 2012. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren (Histria XV). Bucureşti.
- Dickinson O. 2006. The Aegean from Bronze Age to Iron Age. Continuity and change between the twelfth and eighth centuries BC. L., NY.
- Fantalkin A., Tal O. 2010. Reassessing the Date of the Beginning of the Grey Series Transport Amphorae from Lesbos // *BABesch*. Vyp. 85. P. 1–12.
- von Hase F.-W. 1995. Ägäische, griechische und vorderorientalische Einflüsse auf das Tyrrhenische Mittelitalien // *Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Ergebnisse eines Kolloquiums*. Bonn. S. 239–286.
- Kerschner M. 2006. Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // *Eurasia Antiqua*. Bd. 12. S. 227–250.
- Kotsonas A., Kiriati E., Charalambidou X., Roumpou M., Müller N.-S., Bessios M. 2017. Transport Amphorae from Methone: An Interdisciplinary Study of Production and Trade ca. 700 BCE // *Panhellenes at Methone. Graphê in Late Geometric and Protoarchaic Methone, Macedonia (ca. 700 BCE)* / J.S. Clay, I. Malkin, Y.Z. Tzifopoulos (eds.). Berlin/Boston. S. 9–19.
- Lawall M., Tzochew Ch. 2020. New research on Aegean and Pontic transport amphorae of the ninth to first century BC, 2010–2020 // *Archaeological Reports for 2019 – 2020* (66). P. 117–144.
- Shelekhan' O., Lifantii O., Boltryk Yu., Ignaczak M. 2016. Research in central part of Severinivka hillfort (quadrats F80, F90, G71, G81) // *Ukrainian fortresses. A study of a strongholds system from Early Iron Age in Podolia (Baltic-Pontic Studies 21)* / Yu. Boltryk, M. Ignaczak (eds.). Poznań. P. 91–218.
- Shramko I. 2021. Bilsk (Belsk) city-site – the largest fortified settlement of Scythia // *AWE*. № 20. P. 171–218.
- Tsetskhladze G.R. 2016. On “Pre-precolonial” Links, Once Again // *AWE*. № 15. P. 279–301.
- Zadnikov S., Shramko I. 2023. Early Greek Pottery in the Context of Settlements and Burials: The Northern Black Sea Region // *Tios/Tieion on the Southern Black Sea in the Broader Context of Pontic Archaeology* / G. Tsetskhladze (†), Ş. Yıldırım (eds.). Oxf. P. 237–272.
- Μπέσιος Μ., Τζιφόπουλος Γ.Ζ., Κοτσώνας Α. 2012. Μεθώνη Περίας Ι: Επιγραφές, χαράγματα και εμπορικά σύμβολα στη γεωμετρική και αρχαϊκή κεραμική από το ‘Υπόγειο’ της Μεθώνης Περίας. Θεσσαλονίκη.

Поступила в редакцию / Received 30.05.2025.

Принята к публикации / Accepted 22.06.2025.

Опубликована / Published 18.12.2025.

